

ВЫДЕЛЕНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ГЕНДЕРНО-ВЕЖЛИВОЙ ЭВФЕМИЗАЦИИ ДЛЯ ЗАМЕНЫ ТАБУ

<https://doi.org/10.70728/phil.v05.i04.046>

Н.И.Жабборова

nargiza_jabborova@tues.uz

Термезский университет экономики и сервиса

Аннотация: В данной статье исследуются коммуникативные особенности гендерно-вежливой эвфемизации как основного механизма нейтрализации речевых табу в современном русском и узбекском языковом пространстве. Автор анализирует, как стратегии вежливости и гендерные стереотипы определяют выбор эвфемистических замен для табуированных понятий, связанных с физиологией, социальным статусом и возрастными особенностями. В работе выделяются специфические прагматические функции эвфемизмов: смягчение (митигация), сохранение коммуникативного «лица» и гармонизация межличностного взаимодействия. Особое внимание уделяется этнокультурной специфике: если в русском языке эвфемизация часто диктуется нормами политкорректности, то в узбекском - этическим кодексом «андиша» и традиционными гендерными ролями.

Ключевые слова: гендерная лингвистика, эвфемизация, речевое табу, коммуникативная стратегия, речевой этикет, вежливость, прагматика, сопоставительная лингвистика, русский язык, узбекский язык

HIGHLIGHTING THE COMMUNICATIVE FEATURES OF GENDER-POLITE EUPHEMISATION TO REPLACE TABOO

N.I.Jabborova

nargiza_jabborova@tues.uz

Termez University of Economics and Service

Abstract: This article examines the communicative features of gender-polite euphemization as the primary mechanism for neutralizing speech taboos in modern Russian and Uzbek linguistic environments. The author analyzes how politeness strategies and gender stereotypes determine the choice of euphemistic substitutes for taboo concepts related to physiology, social status, and age characteristics. The study identifies specific pragmatic functions of euphemisms: mitigation, preservation of the communicative "face," and harmonization of interpersonal interaction. Special

attention is paid to ethnocultural specificity: while in the Russian language euphemization is often dictated by the norms of political correctness, in the Uzbek language, it is driven by the ethical code of "andisha" and traditional gender roles.

Keywords: gender linguistics, euphemization, speech taboo, communicative strategy, speech etiquette, politeness, pragmatics, comparative linguistics, Russian language, Uzbek language

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистической парадигме изучение механизмов эвфемизации выходит за рамки простого лексического замещения, приобретая статус сложного когнитивно-прагматического процесса. Проблема выделения коммуникативных особенностей гендерно-вежливой эвфемизации как средства нейтрализации табу является крайне актуальной в эпоху глобальных социокультурных трансформаций. Эвфемизм в данном контексте выступает не только как стилистический прием, но и как важнейший инструмент гармонизации речевого взаимодействия, позволяющий обходить вербальные запреты (табу), обусловленные гендерной спецификой и требованиями этикета [Сеничкина, 2012].

Теоретический фундамент исследования эвфемии был заложен в трудах таких ученых, как Л.П.Крысин, который определял эвфемизм как *«способ варьирования языковых средств в зависимости от условий общения, направленный на замену грубых или неприличных слов нейтральными»* [Крысин, 2004]. Однако в контексте гендерной лингвистики эвфемизация приобретает дополнительные прагматические нагрузки. Как отмечает А.В. Кирилина, гендер в языке манифестируется через систему культурно-языковых стереотипов, где *вежливость становится обязательным атрибутом женской речи и доминирующей стратегией при описании «чувствительных» зон жизни женщины* [Кирилина, 1999].

В узбекском языкознании вопросы речевой деликатности и эвфемии традиционно связываются с этической категорией «андиша». Профессор Ш.Сафаров подчеркивает, что *когнитивная база эвфемизации в узбекском дискурсе опирается на национальный менталитет, где гендерное табуирование тесно переплетено с религиозными и семейными ценностями* [Сафаров, 2022]. Например, прямое именование физиологических состояний женщины (беременность) или определенных социальных статусов (вдова, разведенная) в узбекской культуре подвергается жесткой фильтрации, трансформируясь в вежливые номинации типа *og 'iroyoq* или *yolg 'iz ayol*.

Сравнительный анализ показывает, что в русском языке гендерно-вежливая эвфемизация все чаще ориентируется на стандарты политкорректности.

Е.И.Шейгал указывает на то, что *эвфемизмы-политкорректности призваны устранить дискриминацию по половому признаку и сгладить социальную асимметрию* [Шейгал, 2000]. В этом ключе замена табуированных или стигматизированных понятий (например, использование термина *домашняя хозяйка* вместо *домохозяйка* или *клининг-специалист* вместо *уборщица*) служит цели повышения коммуникативного статуса адресата.

Объектом данного исследования являются коммуникативные стратегии, направленные на обход табуированных зон в русском и узбекском языках. Мы исходим из гипотезы, что гендерно-вежливая эвфемизация выполняет три ключевые функции:

1. *Митигативная функция* - смягчение потенциально грубого высказывания.

2. *Статусно-маркирующая функция* - подчеркивание уважительного отношения к полу собеседника.

3. *Маскировочная функция* - замена прямого табуированного денотата абстрактным понятием.

Исследователи, такие как Н.М.Расулова, указывают, что *специфика узбекских гендерных эвфемизмов заключается в их высокой метафоричности, в то время как русские эвфемизмы тяготеют к описательным конструкциям и книжной лексике* [Расулова, 2024]. Например, в русском языке вежливое обращение к пожилой женщине часто ограничивается фразой *дама почтенного возраста*, тогда как в узбекском используется обращение *онахон*, которое табуирует биологический возраст, заменяя его почетным родственным статусом.

Таким образом, изучение коммуникативных особенностей эвфемизации в сопоставительном аспекте позволяет не только выявить универсальные законы вежливости, но и реконструировать этнокультурный код каждого народа. В последующих разделах статьи мы детально рассмотрим классификацию табуированных зон и механизмы их нейтрализации с учетом гендерного фактора.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Коммуникативная природа гендерно-вежливой эвфемизации неразрывно связана с понятием «коммуникативного равновесия». В процессе речевого акта говорящий постоянно соотносит свое высказывание с социокультурными фильтрами, среди которых гендерные табу занимают центральное место. Как отмечает В.И.Заботкина, *эвфемизация в данном контексте выступает как когнитивная стратегия переименования отрицательных денотатов с целью предотвращения коммуникативного конфликта* [Заботкина, 2021].

В русском и узбекском языках выделяются специфические зоны табуирования, которые требуют использования вежливых эвфемизмов. Прежде всего, это сферы физиологии, возрастных изменений, семейного статуса и

интеллектуальных способностей. Однако механизмы «обхода» этих табу различаются в зависимости от культурного кода.

В русском языке гендерная вежливость часто реализуется через лексику с абстрактным значением. Н.С.Павлова утверждает, что *русский эвфемизм стремится к максимальной десемантизации прямого запретного понятия, превращая его в социально нейтральный знак* [Павлова, 2023]. Например, вместо табуированного слова «старая» в отношении женщины используется деликатное *в элегантном возрасте*.

В узбекском языке, согласно мнению А.Э.Маматовова, *эвфемия носит ярко выраженный национально-ментальный характер, где вежливость не просто формальность, а способ выражения социальной иерархии и уважения (иззат-икром)* [Маматов, 2019]. Так, табу на прямое упоминание беременности обходится через метафору *og'iroyoq* (тяжелоногая), что подчеркивает физическое состояние женщины с оттенком заботы.

Для наглядного сравнения представим классификацию коммуникативных замен в Таблице 1.

Таблица 1.

Сопоставительный анализ гендерно-вежливых эвфемизмов

Сфера табуирования	Русский язык (эвфемиз)	Узбекский язык (эвфемизм)	Коммуникативная цель
Возраст (женский)	<i>Дама в годах, золотой возраст</i>	<i>Yoshi ulug', yoshi bir joyga yetgan</i>	Нейтрализация страха старения
Внешность (вес)	<i>Аппетитные формы, статная</i>	<i>To'lachadan kelgan, gavdali</i>	Сохранение достоинства адресата
Семейные трудности	<i>Разногласия, разошлись</i>	<i>Turmushi bo'lmadi, oilasi bilan chiqishmadi</i>	Маскировка социального неблагополучия
Материнство	<i>В ожидании чуда, в положении</i>	<i>Umidli, ikkiqat (razg.), bo'yida bor</i>	Сакрализация процесса рождения

Одной из ключевых особенностей гендерно-вежливой эвфемизации является стратегия «митигации» (смягчения). Л.В.Цурикова в своих исследованиях подчеркивает, что *использование эвфемизмов позволяет говорящему дистанцироваться от негативного смысла сообщения, сохраняя при этом положительный имидж собеседника* [Цурикова, 2020].

В коммуникации с мужчинами эвфемизмы часто направлены на смягчение оценок их профессиональной состоятельности или материального положения. В общении с женщинами - на деликатное описание внешности и возраста. Рассмотрим коммуникативные тактики в Таблице 2.

Таблица 2.

Тактики эвфемизации в зависимости от гендера адресата

Тактика	Примеры в русском языке	Примеры в узбекском языке
Вуалирование недостатков	<i>Человек со сложным характером</i>	<i>Sal qaysarroq, tabiati bo' lakcha</i>
Повышение статуса	<i>Свободный художник (вместо «безработный»)</i>	<i>O'zi ishlari bilan band (вместо «ishsiz»)</i>
Замена физиологизмов	<i>Привести себя в порядок</i>	<i>O'ziga qaramoq, pardoz-andoz qilmoq</i>

Исследователь М.Х. Хакимов отмечает, что в узбекском речевом этикете эвфемизация часто сопровождается использованием прагматических маркеров, таких как «*aybdor buyurtmasin*» (да не сочтут виновным) или «узр» (извините), что усиливает вежливый эффект при замене табуированного слова [Хакимов, 2021]. В русском же дискурсе чаще применяются вводные конструкции типа *так называемый* или *мягко говоря*.

Особый интерес вызывает использование эвфемизмов в сфере межличностных отношений. Если в русском языке современная норма диктует прямоту (за исключением явно грубых форм), то в узбекском языке действует принцип «скрытой номинации». Как пишет З.И. Салихова, узбекская женщина при посторонних никогда не назовет мужа по имени, используя эвфемистические замены «*dadasining o'zi*», «*uyidagilar*» или «*ho'jayin*», что является коммуникативной нормой уважения [Салихова, 2024].

В русском языке аналогичная тенденция наблюдается в официально-деловой среде, где гендерная нейтральность становится обязательной. Т.В.Ларина указывает, что в англоязычных моделях русского общения вежливость проявляется через дистанцирование, что порождает эвфемизмы типа «партнер» вместо «муж/жена» в светской беседе [Ларина, 2019].

Таким образом, анализ показывает, что выбор эвфемизма напрямую зависит от «культурной дистанции» между участниками диалога. В узбекском языке эта дистанция регулируется вековыми традициями и иерархией, а в русском - актуальными социальными трендами и требованиями корректности. Общим же остается стремление к бесконфликтному общению, где вежливый эвфемизм служит мостом между запретным смыслом и культурно приемлемым высказыванием. Подобная классификация позволяет глубже понять механизмы

функционирования языка как живого организма, реагирующего на изменения в общественной морали и гендерных отношениях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование коммуникативных особенностей гендерно-вежливой эвфемизации в русском и узбекском языках позволяет сделать ряд теоретических и практических выводов. Эвфемизация как инструмент нейтрализации табуированных зон представляет собой динамическую систему, чутко реагирующую на изменения в социальной иерархии и гендерной политике обществ.

Во-первых, установлено, что в обеих лингвокультурах эвфемизация выполняет фундаментальную прагматическую задачу - *минимизацию коммуникативного риска и сохранение «лица» (face-saving) участников диалога*. Однако способы реализации этой задачи разнятся: для русской речевой культуры характерна тенденция к десемантизации и использованию книжных, абстрактных терминов, тогда как узбекская речевая традиция опирается на высокую метафоричность и этико-философский концепт «*andisha*».

Во-вторых, гендерный аспект эвфемизации проявляется в асимметричности табуированных зон. Если в отношении женщин в обоих языках преобладают эвфемизмы, связанные с *возрастом, внешностью и семейным статусом*, то в отношении мужчин эвфемистические замены чаще касаются *профессиональной состоятельности и материального благополучия*. Как подчеркивает Н.М.Расулова, *гендерная эвфемия в узбекском языке в большей степени детерминирована традиционным семейным укладом, в то время как в русском языке она все чаще диктуется глобальными нормами политкорректности* [Расулова, 2024].

В-третьих, сопоставительный анализ выявил, что эвфемизмы-заменители табу в узбекском языке часто имеют групповой, коллективный характер (использование терминов родства), в то время как русские эвфемизмы тяготеют к индивидуализации статуса адресата.

Таким образом, выделение коммуникативных особенностей эвфемизации способствует более глубокому пониманию механизмов межкультурной коммуникации. Результаты работы могут быть применены в практике преподавания сопоставительного языкознания, теории перевода и при разработке курсов по культуре речи в высших учебных заведениях.

Использованная литература

1. Заботкина В. И. Когнитивно-прагматический анализ лексики. - М.: Академкнига, 2021.

2. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. - М.: Институт социологии РАН, 1999.
3. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. - М.: Языки славянской культуры, 2004.
4. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. - М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2019.
5. Маматов А. Э. Антропоцентрическое исследование фразеологизмов и эвфемизмов в узбекском языке. - Ташкент: Фан, 2019.
6. Павлова Н. С. Эвфемия в современном дискурсе: стратегии и тактики // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2023. - № 2.
7. Расулова Н. М. Гендерный аспект эвфемии в узбекском языкознании. - Ташкент: Mumtoz so'z, 2024.
8. Салихова З. И. Прагматика гендерно-маркированных единиц в узбекском и русском речевом этикете. - Бухара: Дурдона, 2024.
9. Сафаров Ш. Прагмалингвистика. - Ташкент: O'zbekiston milliy ensiklopediyasi, 2022.
10. Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. - М.: Флинта: Наука, 2012.
11. Хакимов М. Х. Основы прагмалингвистики узбекского языка. - Фергана: ФДУ, 2021.
12. Цурикова Л. В. Проблема межкультурной коммуникации в современной лингвистике. - Воронеж: ВГУ, 2020.
13. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. - М.: Гнозис, 2000.
14. Ларин, Б. А. (2023). Euphemisms in Modern Discourse: A Comparative Aspect. Москва: Academic Press.
15. Расулова, Н. М. (2024). Gender aspect of euphemia in Uzbek linguistics. Ташкент: Fan.
16. Сафаров, Ш. (2022). Pragmalinguistics.
17. Зыкова, И. В. (2025). Gender and Culture in Language: New Horizons.
18. Каримов, Р. А. (2024). Lexico-semantic classification of euphemisms in Turkic languages. Journal of Linguistic Studie